

Key words: educational program, educational standard, direction of preparation, specialty, implementation of programs, formation of the main educational program, competence, educational process.

Original article submitted 11.06.2015;
revision submitted 11.06.2015

Oxana.Yu. Eremicheva, candidate of economical sciences, associate professor of department «National and world economic».

Larisa A. Ilyina, doctor of economical sciences, professor of department «Economic and management of organization».

Tatyana N. Kochetova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of department «The higher mathematics and applied informatics».

УДК 008.001

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В.И. Ионесов

Самарский государственный институт культуры
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
E-mail: ionesov@mail.ru

Дается культурологическая трактовка гуманистической природы культурного наследия, его места и роли в меняющемся мире в контексте вызовов современности. Показано, как наследие влияет на культурный процесс и социальные изменения, отмечается, что оно может быть важным фактором межкультурного согласия и устойчивого развития человечества. Подчеркивается интегрирующая функция культурного наследия в креативной деятельности и социальной практике. Признавая, что различные интерпретации понятия «наследие» являются недостаточными, автор предлагает свои определения наследия, памяти и традиций в дискурсе культурно-антропологического знания. В статье раскрываются онтологические параметры наследия как феномена культуры в контексте понятий «след», «знак» и «память». Основная гипотеза автора состоит в том, что наследие и его артефакты выражают материализованные (или вербализованные) манифестации памяти или меморативной культуры, которые выступают в виде общечеловеческих констант и социальных ценностей для поддержания культурной целостности. Доказывается, что наследие проецирует в культуре образцы и область постоянства, благодаря чему выступает важным фактором социальной консолидации. Однако для того, чтобы наследие обрело свою социальную эффективность, оно должно структурироваться с культурной жизнью современности, а не быть пассивным хранителем безвозвратно ушедших времен. Основные идеи статьи использованы в практике преподавания дисциплин культурологического профиля. Опыт апробации данного тематического блока в процессе освоения учебного курса «Теория и история культуры» подтверждает возросший интерес к представленным материалам и их дидактическую значимость.

Ключевые слова: культура, наследие, память, традиции, творчество, трансформация, гуманистические ценности.

В период глобальных трансформаций возрастает социальная значимость культурных констант, и прежде всего меморативных комплексов и предметно-символических артефактов. Наиболее репрезентативными константами культуры в

Владимир Иванович Ионесов, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история культуры» Самарского государственного института культуры.

ситуации нарастающих перемен выступают объекты культурно-исторического наследия и артефакты повседневной культуры. Под *наследием* понимается меморативный комплекс в коммуникативном пространстве культуры, устойчиво обеспечивающий воспроизводство культурной жизни в диалоге прошлого и настоящего, локального и универсального. В артефактах наследия отражается феноменология следа, остатка, отпечатка прошлого. По существу, в этимологических ссылках на *наследие* фиксируется одна главная смысловая установка в значении *след, отслеживать, выявлять, приводить в порядок*.

Культурное наследие экранизирует субстанциональное утверждение вечности, в нем «пульсирует вечное возвращение к неизменному», но одновременно позиционируется перманентно давящая на него угроза исчезновения, временной исчерпанности и телесной ограниченности. В артефактах наследия, выражаясь словами А.Ф. Лосева, вечное и временное «синтезированы в вечный лик», образуя так называемую «*фигурную вечность*».

Наследие как *культурная селекция и каталогизация* человеческого опыта выражает деятельный и динамичный процесс, в котором отражена завершенная часть незавершенной культуры. Это вызвано тем, что наследие всегда граничит с известной недостаточностью, условностью, дефицитностью, угрозой разрушения, утраты, исчезновения, поскольку «завершенность произведению придает прежде всего то, что раскалывает его, превращая в произведение дробное, во фрагмент истинного мира, в обломок символа», – пишет В. Беньямин [11, с. 297-314].

Следует рассматривать память и наследие не только как константы и универсалии культуры, но также как активные социальные *трансформеры*, позволяющие культуре осуществлять смену своих жизненных циклов и удерживать себя от распада на крутых виражах исторических переходов. Наследие не живет без связи с настоящим, без обретения своей структурно-функциональной значимости и социальной востребованности, т. е. без включенности в культурную систему современного социума.

Меморативные комплексы – наилучшая среда для спасения и адаптации меняющейся культуры. Поскольку чем радикальнее инновации (сила обновления), тем неизбежнее должны быть традиции (сила сохранения) – только в этой функциональной связке становится возможной конструктивная трансформация культуры. Однако в современной культуре усиливается отрыв предметного мира от духовных ценностей, инноваций от традиций. Мир вещей превращается в самостоятельный, обособленный конгломерат чисто материальных индикаторов и технологических новаций. Вертикальные (временные) и горизонтальные (пространственные) модусы в период перманентных трансформаций почти смыкаются и образуют сплошной поток тотальной изменчивости. Между традициями и инновациями практически стираются различия. Это *обезразличивание* приводит к деструкции и нивелированию культурных значений.

Способность артефактов культуры преодолевать и связывать время не только составляет их образцом исторической устойчивости, но и делает их первой жертвой межэтнических и межрелигиозных конфликтов (уничтожение талибами статуй Будды в Бамьяне (Афганистан), разрушение памятников в Ираке, Египте, Сирии, Украине и пр.).

Нельзя не заметить и другое. В период инновационной экспансии поддержание устойчивой «транспортной» культурных объектов из прошлого в настоящее посредством музеефикации и меморализации артефактов наследия становится императивом выживания и жизнеспособности трансформирующейся культуры. Через современность прошлое обретает свою социальную значимость, а современное обретает через прошлое свою функциональную завершенность [3, с. 28-29].

Коммуникативные свойства наследия позволяют рассматривать его как символическую систему и как способ отображения всех мыслимых разновидностей нашего опыта. С помощью наследия человечество решает свои насущные проблемы и задачи. При этом необходимо различать понятия *наследие* и *творчество*.

Если творчество прокладывает путь, колею, маркирует реальность, оставляет следы, по которым можно двигаться вперед, то наследие – это то, что *уже* обследовано, закреплено, узаконено творчеством, оставлено им в виде *следов*, обозначенной колеи, пройденного культурой пути. Не будь наследия, нам нельзя было бы увидеть, из чего культура проистекает, откуда и куда она направлена, кем и чем становится, что и как изменяет. Глядя на следы прошлого, оставленные, прочерченные творчеством, мы не только видим траекторию движения культуры из прошлого в настоящее, но эта траектория помогает нам зафиксировать направленность культурного процесса, т. е. определить возможное развитие событий в будущем. Если творчество есть вторжение культуры на неизведанную территорию, то наследие есть уже опредмеченный опыт этого креативного обследования, т. е. освоенная, завоеванная и преобразованная творчеством действительность.

Не будь наследия, нам не на что было бы опереться и нечем было бы поддерживать культуру в ее креативном освоении реальности. Тому, что призвано изменять и преобразовывать, всегда требуется нечто неизменное, постоянное, т. е. то, чем можно осуществлять это преобразование. Творчество смотрит в будущее, но опирается на прошлое. Творчество достигает невозможного с помощью возможного, т. е. посредством того, чем оно уже располагает, что у него уже наличествует. Культура через творчество делает из невозможного возможное, но средствами самого возможного. Речь идет о том, что в каждом становящемся есть нечто нестановящееся. «Всякое становление вещи возможно только тогда, когда в ней есть нечто нестановящееся» [5, с.185].

Именно эта смычка становящегося с нестановящимся обуславливает возможность поступательного движения и обустройства культуры. Для того чтобы что-то менять, всегда необходимо иметь хотя бы немного того, что не меняется и что позволяет своим постоянством что-то изменять и культивировать. Образно говоря, в социальном движении одна нога культуры всегда занесена вперед (в будущее), другая уходит назад (в прошлое). Движение возможно лишь тогда, когда обе ноги противопоставлены друг другу, и чем дальше мы хотим продвинуться вперед, тем сильнее мы должны отступить назад. Вспоминается известная фраза, сказанная когда-то Уинстоном Черчиллем: «Чем глубже мы заглядываем в прошлое, тем лучше видим будущее». При этом к новому, меняющемуся и преобразующемуся – тому, что именуется творчеством – у человека есть *стремление*. Тогда как к прошлому, сформированному, привычному и традиционному – тому, что именуется наследием – у человека *тяга*. Различие состоит в том, что стремление – активное начало культуры, ему всегда нужна воля и креативный порыв. Напротив, наследие – консервативная и меморативная сущность, ему присущи постоянство и неизменность.

Здесь таится некая опасность того, что к наследию человек подходит как к самой собой разумеющемуся явлению. То, что уже свершилось, нельзя изменить, и в силу этого оно уже не требует креативного вмешательства и защиты социума, т. е. прошлое не нуждается в настоящем. Следовательно, оно может *уже* обойтись без человеческого внимания и участия. Парадокс в том, что любое общество по своему определению анахронично, т. е. формализовано и самоактуализировано прошлым. Все, что наличествует в современной культуре, уже в той или иной мере есть манифестация прошлого, устоявшегося опыта, обычая и традиции. Даже самая радикальная инновация не может не воспроизводить прошлое. Как замечает Ортега-и-Гассет:

«История – это прежде всего история коллективных образований, или история обществ, а значит, обычаев... Обычай – это человеческая окаменелость, «ископаемое» поведение или мысль. ...Все социальное всегда – в той или иной мере – давно прошедшее, т. е. засушенное, мумифицированное прошлое... Все социальное, по сути, анахронично. Быть может, одно из главных назначений общества – служить сохранению, спасению прошлой и безвозвратно ушедшей человеческой жизни. Поэтому все социальное представляет собой некую машину, механически сохраняющую, консервирующую личную жизнь человека» [7, с. 645].

Наследие несет в себе глубокий гуманистический смысл, ибо оно проецирует в меморативных образах достижения человеческой культуры, т. е. фактически определяет сущность человека и его социальную деятельность. «Каждая вещь есть не что иное, как вывороченная наизнанку личность» [5, с. 89]. Следовательно, всякий артефакт наследия предстает как антропологический феномен, в котором удерживается креативный опыт освоенной человеком реальности [4]. За каждым артефактом стоит конкретный человек и конкретная история. Любой вещественный образец культуры был когда-то и кем-то создан, и не просто создан, а его появление связано с конкретными событиями, конкретным местом-временем и конкретными причинами и поводами. Исторические артефакты не только хранят память о своем появлении, но выражают человеческие качества, заложенные в их телесность и имя их создателями. Наследие утверждает себя как культурная самость через память, так же как память выражает себя через наследие. Память – это не только свойство сознания, но онтологическая категория и императив выживания культуры. Можно сказать и так, что бытие культуры обретает свою завершенность именно в памяти. «Память не как обладание воспоминаниями – не как *имение*, собрание примет прошедшего, но и как всегда диалектическое приближение к связи между приметами прошедшего и их *местом*, т. е. как собственно приближение к их *место-имению*... Память, – пишет Ж. Диди-Юберман, – не орудие, служащее для изучения прошлого, но, скорее, медиум. Медиум пережитого, так же как земля – медиум, в котором покоятся погребенные древние города. Образы, выходящие на поверхность в отрыве от всех прежних связей, подобны украшениям в комнатах, разграбленных нашим запоздалым осмыслением, торсам в галерее коллекционера» [2, с. 154].

Наследие выступает как формализованное и артикулированное содержание памяти. Память становится видимой и явленной в культуре именно через наследие. В образцах культурного наследия форма достигает «высочайшей светонасыщенности» (В. Беньямин) или, выражаясь словами Плотина, заявляет себя «цветение бытия» культуры» (см. Эннеады, V, 8, 10).

Однако для того, чтобы меморативная культура обрела свою социальную эффективность, она должна структурироваться с культурной жизнью современности, а не стоять особняком от нее, занимая место изношенных, омертвевших и ненужных вещей. В современной быстро меняющейся культуре необходимо последовательно переходить от мумификации истории к живому структурированию памяти и образцов наследия. Слишком быстро инновации вымывают культурную почву традиционной жизни, слишком медленно прирастают запасы культурного наследия, которое все больше уподобляется заброшенной свалке и становится заложником техногенной цивилизации. Нельзя бальзамировать наследие и рассматривать его «в виде какого-то мировоззренческого кладбища, на котором гниют большие или малые покойники» [6, с. 504]. Наследственная культура подобна истории идей и воплощенных замыслов и «по своему существенному содержанию имеет дело не с прошлым, но с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее

с пантеоном божественных образов», – пишет Гегель [1, с. 219]. Но следы прошлого можно сохранить и включить в функциональный контекст настоящего, только если освободить их от воплощенной в них человеческой брэнности, от их исторической телесности, анахроничности, т. е. чтобы спасти культуру прошлого, «нужно ее же обеспечить, обездушить, обезличить» [6, с. 645].

Итак, культурное наследие по своей сути живет не прошлым, а настоящим. Если бы наследие было заполненным только прошлым, оно не могло бы являться наследием по определению, ибо наследие предполагает наличие того, кем и когда оно наследуется, т. е. присутствие настоящего, современного. У наследия так или иначе всегда есть наследники. Лишая наследие связи с настоящим, мы тем самым уничтожаем и само наследие, поскольку оно не может считаться таковым (наследием), если отсутствуют его наследники. Из этого следует, что наследие не живет без связи с настоящим, без обретения своей структурно-функциональной значимости и социальной востребованности, т. е. без включенности в культурную систему современного социума. Наследие не есть замкнутый и законсервированный во времени комплекс, но у наследия всегда есть процессуальность – процесс наследования, его артикуляция, самораскрытие, распределение в культурном пространстве настоящего.

Между тем радители национальной самобытности, так называемые псевдопатриоты, нередко пытаются защитить наследие через его изоляцию, отторжение от диалога с настоящим как в пространстве (отделение его от контактов с другими культурами), так и во времени (отгораживание его от воздействия современной цивилизации), рассчитывая посредством этого сохранить культурную самобытность своего народа. Однако отчужденное от коммуникативной связи с внешним культурным миром наследие обрекается, по существу, на *обезразличивание*, де-идентификацию, т. е. стирание всех тех уникальных спецификаций, благодаря которым культурные традиции различаются, узнаются и ценятся и, собственно, ради которых их пытаются защитить и сохранить. Без своей вовлеченности в коммуникативное пространство диалога с другими культурами наследие нераспознаваемо и неразличаемо, ибо знание есть постижение различия, которое фиксируется и удерживается только через диалого-сопоставление. Сепарация наследия и его культурная изоляция – это верный путь к его демеморализации и социальному распаду.

Культурное наследие должно быть интегрировано в общественную жизнь современности, поскольку именно через современность прошлое обретает свою социальную значимость, а современное обретает через прошлое свою функциональную завершенность. «Нельзя придумать лучшего теста на подлинность культуры, как личностной, так и общественной, чем занимаемая ею позиция по отношению к прошлому, к его институтам, сокровищам его искусства и культуры, – пишет Э. Сепир. – Подлинно культурный индивид или подлинно культурное общество не отвергают прошлое с презрением. Они почитают творения прошлого, но не потому, что в изменчивом потоке истории эти последние сверкают жемчужными вкраплениями, не потому, что они, находясь вне нашей досягаемости, должны по необходимости рассматриваться сквозь оберегающие их стекла музейных стендов. Эти творения прошлого по-прежнему вызывают в нас глубочайший интерес и симпатию потому и лишь постольку, поскольку мы можем распознать в них выражения человеческого духа, волнующе сходного, несмотря на все внешние различия, с нашим собственным... *Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может еще стать будущим*» (выделено нами. – В.И.) [8, с. 485].

Культура по своему содержанию воплощает в себе процессуальный диалог или, точнее, взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего. Благодаря этой

интегративной вовлеченности культура способна воспроизводить себя, устойчиво и целенаправленно развиваться.

Таким образом, наследие содержит в себе ответы на многие проблемы современного мира и помогает нам понять смысл современных глобальных трансформаций. Становится также все более очевидным, что не столько наследие может быть понято через современность, сколько современность может быть определена, признана, осмыслена и оценена через наследие. Современная культура как никогда ранее нуждается в структурировании коммуникативного взаимодействия традиций и инноваций и в новом диалоге со всемирным наследием. Поддерживая и приумножая всемирное наследие, мы тем самым развиваем всемирную отзывчивость и общечеловеческую солидарность. Всемирное наследие можно рассматривать и как своего рода «магнитное поле» культуры, именно от него зависит устойчивость и направленность развития человечества. Гуманистические основания культурного наследия служат важным ресурсом в педагогической деятельности и, в частности, в практике преподавания дисциплин культурологического профиля, ориентированных на расширение границ общечеловеческих ценностей, интеграцию знаний и общекультурных компетенций. Представленные в статье материалы были успешно апробированы в учебном процессе, и практика их использования в гуманитарном образовании свидетельствует о возросшем интересе к изучению теории и истории культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
2. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас. – СПб.: Наука, 2001. – 264 с.
3. Ионесов В.И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса: Автореф. дисс. ... докт. культурологии / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. – Самара, 2011. – 39 с.
4. Ионесов В.И. Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации. – 2012. – №2 (3). – С. 75-94.
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
6. Лосев А.Ф. Самое само: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
7. Ортега-и-Гассет Хосе. Избранные труды. – М.: Весь Мир, 1997. – 704 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 1-4 (Т. 3).
10. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
11. Benjamin W. Les “Affinites Electives” de Goethe (1922-1925) / W.Benjamin; trad. M. de Gandillac // Benjamin W. Oeuvres, I. Mythe et Violence. – Paris, 1971. – P. 297-314.

Поступила в редакцию 20.05.2015;
в окончательном варианте 22.05.2015

UDC 008.001

ABOUT HUMANISTIC NATURE OF CULTURAL HERITAGE AND CHALLENGES OF CONTEMPORARY TIME

V.I. Ionesov

Samara State Institute of Culture
4434010, 167, Frunze str., Samara
E-mail: ionesov@mail.ru

This article tries to show humanistic nature of heritage, its place and role in changing world in context of challenges of contemporary time. Author does attempt to show how the heritage to influence on cultural process and social changes in turbulent time, but also why world heritage is imperative of survival, intercultural reconciliation and sustainable development of humanity. It is emphasized the role and place of heritage in cultural system and social practice. Acknowledging that the diverse interpretations of concept 'heritage' are insufficient and too common, the author presents his interrogation of phenomenon of cultural heritage in discourse of cultural-anthropological knowledge. The article seeks to foreground the ontological parameters of world heritage, which it is considered in context of philosophy of "trace", "sign" and "memory". The main hypothesis of the author is that heritage and its artefacts express the materialized (or verbalized) manifestations of memory or memorial culture that is general human constants and social values, which create and support the protective environment for survival of culture and overcoming of global challenges. The main of argument author is that heritage presents the cultural patterns and area of constancy in changing society and thanks to it the culture can support its functional viability in turbulent time. The heritage enables to create the new structuring of cultural system, including integration of past and present, local and universal, artificial and natural, mental and material.

Key words: culture, heritage, memory, traditions, creativity, transformation, humanistic values.

Original article submitted 20.05.2015;
revision submitted 22.05.2015

Vladimir I. Ionesov, Professor, Doctor of Culturology, Head, Department of Theory and History of Culture, Samara State Institute of Culture.

УДК 37.026.4

ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОБЛАЧНЫХ ХРАНИЛИЩ

А.А. Исаев, Т.М. Плеханова

Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: alexander.isaev2016@ya.ru, politeh@li.ru

Проанализирована возможность внедрения современных информационных технологий (облачных хранилищ) в процесс самостоятельного обучения студентов. Выявлены и рассмотрены элементы процесса самостоятельного обучения, в которых можно применить современные информационные технологии. Сделано предположение о том, что использование современных информационных технологий повысит эффективность самостоятельной работы студентов.

Апробирование предлагаемой технологии проведено на базе факультета гуманитарного образования СамГТУ путем разделения лекционного материала и практических заданий на заочном факультете. В силу специфики заочного обучения студенты заочного факультета при работе над домашними заданиями редко используют информационные ресурсы университета, такие как библиотека, и все чаще пользуются информационными ресурсами сети Интернет.

Для проверки состоятельности предлагаемой технологии среди студентов был проведен опрос об их заинтересованности в данной технологии. Опрос позволил выявить

Александр Антонович Исаев, аспирант кафедры «Психология и педагогика».
Татьяна Михайловна Плеханова, преподаватель кафедры «Психология и педагогика».